

На дорогах войны

Шмаков Александр Андреевич

Иван Диденко „АМУРСКИЙ МСТИТЕЛЬ“

...Лесная поляна залита ярким июльским солнцем. На небе — ни облака. Вокруг, казалось, все вымерло, надолго уgomонилось. Лишь изредка теплый ветер мягко пробежит по жухлой траве, перекинется на березы. Они вздрогнут серебристыми листьями, о чем-то пошепчутся и тут же замолкнут, как будто сговорившись между собой не мешать воинам прославленной Кантемировской дивизии слушать взволнованный рассказ героя танкового экипажа «Амурский мститель» Николая Федоровича Агапова.

Солдаты, сержанты и офицеры внимательно слушают бывшего своего однополчанина, перед их мысленным взором оживают героические страницы

родной части, подвиги фронтовиков, защищавших в боях с фашистскими захватчиками честь и свободу нашей Родины.

— Будьте же достойны славы своих отцов, — в заключение говорит гость, дорожите и умножайте их боевое наследие.

Последние слова оратора тонут в громе одобрительных аплодисментов. На трибуну поднимается сержант Красноруцкий.

— Мы восхищаемся мужеством и отвагой танкового экипажа «Амурский мститель», который воевал в составе нашей части. Мы хотим заверить Вас, Николай Федорович, что боевая эстафета находится в надежных руках.

Командир части на прощание вручил бывшему воину Почетную грамоту. В ней говорится:

«Ветерану части гвардии старшине запаса Агапову Николаю Федоровичу в память о встрече с гвардейцами-кантемировцами».

Кто же такой Николай Агапов, если воины Советской Армии проявляют такой горячий интерес к нему? Какой подвиг совершил он, если его портрет и сегодня вывешен в комнате боевой славы известной всему миру Кантемировской дивизии?

Николай Агапов — простой советский рабочий. Его жизнь, как две капли воды, похожа на жизнь тысяч советских людей. Все лучшие качества трудолюбивого рабочего и бесстрашного воина воспитала в нем ленинская партия.

ДОГАДКА ВАСИЛИЯ ЖУРАВЛЕВА

...На несколько минут смолк монотонный шум моторов и станков. Яснее стали слышны голоса. Одна за другой захлопываются дверки инструментальных ящичков, звенят детали: рабочие убирают их со станков. Одни торопятся домой, другие занимают место у станков.

Идет обычная пересмена. Вот в такую пересмену и подошел к своему напарнику слесарь Василий Михайлович Журавлев. В цехе все знали его «слабость»: ни о чем не любит Журавлев так читать, как о подвигах советских солдат в дни Великой Отечественной войны. Василий Михайлович хитровато взглянул на товарища и, как бы между прочим, спросил его:

— Ты сегодня домой очень торопишься?

— Нет, — ответил тот. — А что?

— Да, понимаешь, вопросик у меня есть к тебе один.

— Что-то хитришь, Василий Михайлович. Что за вопросик?

— Да вот, понимаешь, какая история. Есть одна газета. «Советский патриот» называется. Так вот, она одного человека разыскивает — героя войны. Прочитал я и подумал: «Уж не нашего ли Николая ищут, не тебя ли?»

— Чего же ей искать меня? Вот он я, весь на виду, скрываться и прятаться не собираюсь.

Но не так-то просто было отделаться от Журавлева. Поняв, что угадал, он через секунду уже крепко держал за руку своего собеседника, как бы говоря:

— Ну теперь, пока не расскажешь обо всем, не уйдешь. Хватит отмалчиваться.

В этот же день поздно вечером в редакции зазвонил телефон.

— Товарищ корреспондент, — раздался взволнованный голос. — Приезжайте. Тут, понимаете, такая история!..

НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Служили на Дальнем Востоке три друга. Любили сильнее всего голубое небо, рокот Тихого океана и беспокойную, трудную жизнь летчиков-истребителей. И хотя друзья служили в летной части, но песню всякий раз заводили о танкистах. Помните ее?

Три танкиста,

Три веселых друга —

Экипаж

Машины боевой!

Так обычно начинался рассказ-легенда о танковом экипаже «Амурский мститель». Но легенда легендой, в ней точные факты переплетаются с фантазией. А мне хочется рассказать о человеке обычном, совсем не былинном.

...Шел четвертый год Великой Отечественной войны. Фронт все дальше откатывался на запад. Но враг был еще силен. С боем приходилось освобождать от захватчиков каждую пядь родной земли. Газеты сообщали о массовом героизме бойцов Красной Армии и тружеников тыла.

Читали и перечитывали эти сообщения Коля Агапов, Леня Рудниченко и Ваня Бинюков. Рудниченко не раз откровенно говорил, что если командование не отпустит его на фронт, то он убежит туда сам. Друзья возражали, доказывали, что так действовать нельзя, что его поступок будет расценен как дезертирство.

— Да поймите хотя вы, други мои, — взволнованно говорил Рудниченко. — У меня причина на то есть.

Причина у Леонида, действительно, была основательная. У него свой счет с врагами нашей Родины. Они лишили его отца. Красный партизан отдал свою жизнь под Волочаевкой в борьбе с интервентами. И вот теперь снова война, снова враг топчет нашу землю, оставляет на ней кровавый след.

— Да разве после этого я могу здесь, в глубоком тылу, отсиживаться?

Но тут Ваня Бинюков доставал из нагрудного кармана потертое письмо и молча подавал его другу.

— На, читай и читай обовязково в голос, громко, — говорил он, мешая русские слова с украинскими.

И хотя друзья уже не один раз читали письмо сестры Бинюкова, знали его, можно сказать, наизусть, Рудниченко выполнял просьбу друга. Он читал громко, выразительно, так, чтобы каждое слово письма врезалось в память:

«Мой дорогой и родной братик!

Ты, Ванюша, солдат и наберись силушки, чтобы по-солдатски перенести наше горе. Ты спрашиваешь: почему тебе ничего не пишут папа и мама, почему молчит наш любимый жаворонок-сестренка?

Ты знаешь, война застала меня далеко от родных мест. Теперь я снова в Запорожье. Встретило меня здесь одно пепелище. Гитлеровцы разрушили город, Днепрогэс, сожгли и наш дом. Нет у нас с тобой больше ни папы, ни мамы, нет у нас с тобой и любимого жаворонка-сестренки. Отца фашисты повесили, мать и сестру замучили...»

— Досить, — прервал друга Бинюков. — Кто-кто, а я-то повинэн видплатити клятому вражине за усэ: і за батька, і за матусю, і за Запоріжжя.

Коля Агапов угрюмо молчал. Горе друзей было его горем, он не меньше, чем они, рвался на фронт.

В одну из майских ночей к его койке на цыпочках подошел Леонид Рудниченко. Он торопливо затормошил друга.

— Агапыч, проснись!

— А я и не сплю, — шепотом ответил тот.

— Тогда давай погуляем, — сказал Рудниченко, — думка есть у меня одна.

Николай быстро оделся, вместе с другом вышел из казармы на улицу. Небольшой воинский городок окутала тишина. До слуха доносились громкие шаги часового да всплески волн Уссури.

— Ну, что у тебя за думка? — спросил Агапов.

Леонид пристально посмотрел другу в глаза, а потом, как бы между прочим, спросил:

— Читал ты сегодня «Звездочку»?

— Вот эту? — вытащил из кармана Агапов свежий номер газеты «Красная Звезда».

— Да, — утвердительно ответил Рудниченко.

— Ну и что ты в ней вычитал?

— А то, что и ты.

Оба рассмеялись, крепко, по-мужски, обнялись и расцеловались.

— Значит, решено? — спросил Рудниченко.

— Окончательно и бесповоротно.

ПОЕЗД ИДЕТ НА ЗАПАД

Пятые сутки эшелон с танками шел на запад. Уже далеко позади остался город, где танкисты получали боевую технику. А эшелон все шел и шел. На очередной остановке старшина Агапов выскочил из вагона-теплушки. Он направился к платформе, на которой стоял танк. Николай по-хозяйски осмотрел крепление машины, любовно поправил брезент.

Медленно опускались на землю вечерние сумерки. Далекая лесная синева манила к себе. Николай с детства любил лес. Там наедине можно поразмыслить о жизни. А она сложилась у него так же, как у тысяч его сверстников двадцатых годов. Пришлось рано бросить учебу в школе. С двенадцати лет пошел работать. Вначале собирал в бору живицу, потом поступил учеником на металлургический завод. Получил хорошую специальность — молотобойца. Пришло время призыва в Красную Армию, и Николай по комсомольской путевке уехал служить на флот. Но моряком пришлось быть недолго, перевели в авиационную часть. Выучился на техника, остался на сверхсрочную службу.

Война застала Агапова на Дальнем Востоке. Здесь он и подружился с Леонидом Рудниченко. Оба техники, вместе переживали за свои машины, когда те уходили далеко за облака. Несколько раз Николай и Леонид подавали рапорты командованию с просьбой направить их на фронт, но получали один и тот же ответ:

«Отказать, нужны здесь, на Дальнем Востоке».

— Неужели нам так и не удастся попасть на фронт? — горевал Леонид. Заметка в «Красной Звезде» натолкнула друзей на мысль отправиться на фронт с оружием, приобретенным на личные сбережения. Правда, в ту памятную ночь между ними произошла серьезная размолвка. Агапов предложил купить танк. Против этого предложения восстал Рудниченко.

— Как это, танк? — возмутился он. — Где мы служим? В летной части. Вот и давай покупать самолет.

— Посуди сам, Леня, — спокойно возражал ему Агапов. — Мы же не летчики, а технари. Вот и выходит, что на нашем самолете кто-то будет воевать, а мы с тобой будем снова в небо поглядывать да на аэродромах загорать. А на танке мы, брат, косточки фашистам поутюжим гусеницами.

Рудниченко сдался.

На следующий день они внесли все свои сбережения в полковую кассу. Но для покупки танка денег оказалось недостаточно. Тогда друзья сдали в комиссионный магазин все, что приобрели за годы сверхсрочной службы в армии.

— Не горюй, Леня, — говорил другу Агапов, — живы будем — все наживем.

Но даже тогда, когда все вещи были проданы, когда и солдат сверхсрочной службы Ваня Бинюков внес свой скромный вклад, денег на танк все еще не хватало. На помощь пришли комсомольцы полка. Они собрали недостающую сумму. Друзья ликовали. В тот же день в Москву, Верховному главнокомандованию, была отправлена короткая телеграмма:

«Москва. Кремль. Верховному главнокомандованию.

В ответ на победоносное наступление Красной Армии, горя желанием помочь быстрее разгромить немецко-фашистских захватчиков, просим послать нас в действующую танковую часть. Танк приобретаем на собственные сбережения. Старшина Агапов, сержант Рудниченко, сержант Бинюков».

Вскоре пришел ответ. Его привез в часть командующий Краснознаменной Амурской флотилией вице-адмирал П. С. Абанькин. Вызвав к себе друзей, объявил:

— Сегодня пришел ответ на вашу телеграмму. Верховное главнокомандование благодарит вас за заботу о Красной Армии. Мне поручено сообщить, что ваше желание удовлетворено. Вы назначаетесь в танковую учебную бригаду. После окончания учебы вам будет разрешено получить танк, построенный на ваши сбережения.

... Чем ближе подъезжали к местам недавних боев, тем дальше Николая уносили думы. Они тянулись бесконечной нитью, которой, казалось, и конца нет. Дни учебы в танковой бригаде, короткая побывка в родном городе перед отправкой на фронт, проводы друзей, прощальный митинг. Откуда-то всплыло до боли знакомое лицо любимой девушки. Валюша. Спокойно смотрели на него голубые, ласковые, любящие глаза. «Я верю, Коля, — говорили они. — Ты сбережешь нашу любовь, вернешься домой. Я жду тебя, родной». Лицо девушки исчезло. И вот уже Николай видит взволнованные лица рабочих, вручавших ему паспорт танка, слышит их суровый наказ: «Вы танк свой назвали «Амурский мститель». Так деритесь на нем, боевые друзья, как уссурийские тигры, будьте сильны и непокоримы в бою, как полноводный Амур-батюшка». Ответная речь. Разве все скажешь, когда подкатился к горлу какой-то ком, перехватило дыхание!

Агапов расстегнул воротничок гимнастерки, снял танкошлем. Он вспомнил клятву, данную Ване Бинюкову. Перед отправкой на фронт случилось несчастье: на учебном вождении танка Бинюков получил увечье. Он тяжело переживал, что так нелепо оборвался его путь на фронт. Агапов и Рудниченко поклялись: они будут в бою драться за троих, отплатят врагу сполна за слезы друга, за смерть близких ему людей.

Ветер нещадно бил Николаю в лицо, трепал его русые волосы. Поезд набирал ход. По обочинам дороги виднелись следы недавних боев. Пахло гарью. Далекие и неслышные вспышки выстрелов дальнбойных тяжелых орудий, словно зарницы,

на какую-то долю секунды освещали темное декабрьское небо и снова таяли в ночной мгле. Впереди — фронт, там враг. Мысли Николая прервала вырвавшаяся из вагона-теплушки любимая песня:

Три танкиста,

Три веселых друга —

Экипаж

Машины боевой!

ПЕРЕД БОЕМ

Враг стремился сильными и массированными ударами танковых частей оттеснить наши войска за Днепр, сохранить за собой Правобережную Украину. Советская Армия, отражая яростные контратаки противника, готовилась к новым крупным наступательным операциям. В действующую армию вливались свежие силы. На один из участков Первого Украинского фронта прибыл танковый экипаж Леонида Рудниченко и Николая Агапова. Ивана Бинюкова заменил Саша Витвицкий — голубоглазый парень из Херсона.

Передо мною — пожелтевшая от времени фронтовая газета. В ней опубликована небольшая заметка гвардии капитана Н. Романенко. Военный корреспондент сообщает о прибытии в танковую бригаду экипажа «Амурский мститель». Фронтовики тепло встретили патриотов-дальневосточников. После ужина танкисты собрались в землянке. Завязалась дружеская беседа. Бойцы вспоминали, мечтали.

— Саша, — обратился к своему тезке механик-водитель Шингарев, — расскажи-ка нашим джигитам-тихоокеанцам, как ты «языка» брал.

Витвицкий вначале отнекивался, потом все же поддался уговорам друзей. Начал свой рассказ издалека, с прибаутками.

— Это не сказка-складка, друзья, а песня-быль. А из песни — слова не выбросишь. В прошлом году летом в разведчиках я ходил. Держали мы тогда оборону в сильно заболоченном лесу. Сделаешь один шаг — полные сапоги болотной жижи, а то, гляди, и по горло окунешься. Начальник разведки вызвал к себе и говорит: «Язык нужен, ребята». «Раз нужен, — ответили мы, — постараемся достать». Целую ночь шли по болотине, лишь на рассвете сделали привал. Осмотрелись. Впереди лес реже, топь подступает вплотную к подножию небольшого холмика. На нем — блиндаж. А метрах в тридцати от блиндажа — неприглядное сооружение из досок и фанеры, о назначении которого легко догадаться. Я шепчу ребятам: «Братцы, нам повезло: дело идет к утру, минут через двадцать будет у нас «язык». Распределились мы на три группы: одна должна была, если понадобится, снять часового, другая — прикрывать отход, а третья — «застукать» «языка» в интересном месте. Так оно и получилось. Минут через пятнадцать из блиндажа вышел толстяк в ночной рубаше ниже колен. Сделал пару шагов, остановился, осмотрелся, сладко зевнул, хмыкнул и развалистой походкой двинулся прямо на нас... вернее, к неприглядному сооружению. Тут мы его и взяли. Добыча весила килограммов сто, тащили поочередно, еле-еле доставили в часть.

Витвицкий умолк.

— Нехорошо, Саша, скрывать главное, — снова обратился Шингареев к своему другу.

— Доскажи ты, у тебя, Саша, лучше получается, — ответил Витвицкий. Все засмеялись.

— И доскажу. Взяли-то они не простого «языка». Правда, дорогой его медвежья болезнь прохватила. Зато командиром пехотного полка оказался этот господин.

Землянка содрогалась от гомерического хохота бойцов. Он стих лишь тогда, когда вошел капитан Кравченко. Командир батальона тихо уселся возле печурки и стал молча наблюдать, как огонь лизал сырые дрова. Бойцы хорошо знали его слабость. Кравченко, пожалуй, больше всего на свете любил народные песни. Леня Рудниченко взял баян и растянул меха. Мирные звуки залили землянку. Кто-то из бойцов затянул украинскую песню:

Ніч яка, місячна, зоряна ясна

Видно, хоч голки збирай;

Вийди, кохана, працею зморена,

Хоч на хвилиночку в гай!

А когда песня оборвалась, Кравченко задумчиво вздохнул:

— Хороши украинские ночи: тихие, зористые, душистые. Война нам помешала песни петь, соловьиною трель слушать, любимых под калиной обнимать.

Капитану возразил Шингареев.

— Эх, товарищ капитан! Да только ли украинские ночи хороши! Вот у нас на Кавказе солнце скрылось за горизонтом — и потянула прохлада, а с горы, с самой шапки, туман так и ползет, так и ползет. А ты сидишь у костра, уткнувши нос в бурку, и смотришь, как луна по морю прокладывает серебристую дорожку. Нет лучше кавказских ночей.

Спор разгорался. Агапов с завистью посматривал на фронтовики, грудь которых украшали ордена и медали.

— Не горюй, Николай, — сказал Саша Витвицкий, — будут и у вас ордена и медали.

Агапов обиделся.

— Об этом я меньше всего думаю. Чертовски завидно: у каждого из вас не одна встреча с врагом, а мы с Леной еще порошу не нюхали.

— За этим дело здесь не станет, — хором ответили фронтовики.

Поднялся капитан и одним словом погасил затянувшуюся беседу:

— Спать!..

БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ

Декабрь 1944 года. Мокрыми хлопьями ложится на израненную землю снег, слепит глаза, и без того смыкавшиеся у бойцов от бессонных ночей. Но гвардейцы не спали. Идет напряженная подготовка к жаркой схватке с врагом. На рассвете командир танкового батальона капитан Кравченко пригласил к себе Леонида Рудниченко и Николая Агапова. Когда капитан волновался или нервничал, он всегда в разговоре переходил на свой родной язык:

— Через годину ми зустринемся з ворогом. Микола, у мене до тебе невелике прохання: скажи перед боем матросское слово.

...Земля гудела от артиллерийской канонады. «Катюши», часто меняя свои позиции, посылали в сторону противника багряные кометы. Агапову казалось, что его слова тонут в орудийном грохоте, и он, стремясь пересилить методический говор пушек, вместо речи сказал всего несколько чеканных фраз:

— Наша давнишня мечта сбылась. Сегодня «Амурский мститель» идет в бой. Мы поклялись сполна отплатить врагу за слезы наших матерей и жен, за руины и пожарища на советской земле. Свое слово мы выполним. Большое спасибо за доверие. Вперед, за Родину!

...В темном небе бисером рассыпались сперва зеленая, затем красная ракеты. Заревели моторы. «Тридцатьчетверки», легко переваливаясь по снежным сугробам, устремились вперед. Набатов в ушах прозвучало грозное слово «атака». Николай три года мечтал о той минуте, когда услышит эту боевую команду. По телу пробежал легкий озноб. Агапов нажал ногой на педаль акселератора, и машина на полном ходу понеслась на вражеские позиции. Подмяты проволочные заграждения, черными провалами замелькали траншеи противника. Пушка выбрасывала из своего жерла длинные языки пламени. Это Рудниченко один за другим посылал снаряды уже не в учебную, а в настоящую цель.

Агапов увидел в смотровую щель, как дрогнула фашистская пехота. На душе стало так радостно, что ему невольно захотелось запеть любимую песню о друзьях-танкистах, но вместо песни он, сам не замечая того, крикнул:

— Леня, Саша, смотрите, фашисты-то драпают!

Но в бою обстановка может измениться каждую минуту. Из-за леса начали выползать неуклюжие вражеские танки. Изрыгая на ходу огонь, они ромбом шли навстречу советским танкистам. И снова в наушниках танкошлема прозвучала четкая команда командира танкового батальона: «Гвардейцы, вперед!»

Рудниченко в пылу первой встречи с врагом не заметил, как израсходовал большую половину боекомплекта снарядов. Теперь он экономит, стремится бить точно в цель. Через какое-то время артиллерист упавшим голосом сообщает механику-водителю:

— Коля! У нас снаряды на исходе.

Агапов медлит с ответом. «Надо уйти, — мелькнула мысль. — Ведь без снарядов — мы живая мишень». Но тут же: «Нет, ни за что!» Командир батальона требует усилить огонь. Один за другим следуют залпы. Заполыхала головная фашистская машина. Но враг и не думает отступать. Рудниченко передает тревожное сообщение: снарядов больше нет.

В какую-то долю секунды у Агапова созрело дерзкое решение. Он заметил, что один из вражеских танков берет «в вилку» машину командира батальона. Агапов резко принял рычаги управления на себя. Разворот на 180 градусов. И вот «Амурский мститель» мчится навстречу вражеской машине. Глухой и резкий удар лобовой броней по ходовой части, и танк с огромным черным крестом, словно недобитый зверь, заюлил на месте. Скрежет металла и тысячи искр в глазах. Окружающее начало постепенно уплывать из сознания и вскоре исчезло совсем.

Враг не выдержал решительного натиска гвардейцев. Он попятился назад. На поле боя фашисты оставили около двух десятков танков. Три из них были подбиты экипажем «Амурского мстителя».

САЛЮТ „АМУРСКОГО МСТИТЕЛЯ“

После боевого крещения танковому экипажу «Амурский мститель» еще не раз приходилось встречаться с врагом, но только уже не на родной земле, а на территории Польши, Чехословакии, Германии. Герои-дальневосточники получили более десяти благодарностей от Верховного главнокомандования. На их груди сверкали боевые ордена и медали. Сандомир, Краков, Сосновец, Катовице, Глейвич, Рыбник, Оппельн, Крайбург, Бреслау — вот далеко не весь перечень городов, встретившихся на боевом пути амурцев. Впереди — подступы к Берлину, Одерский плацдарм.

На карте Восточной Силезии вы не найдете такого населенного пункта, как Сулько. В нем расположен фольварк. Противник сделал все для того, чтобы помещицья усадьба не досталась советским солдатам: противотанковые рвы, многочисленные ряды надолб, десятки железобетонных дотов, рассеянных по полям. Каждый дом в населенном пункте приспособлен для длительной круговой обороны.

Деревня Сулько на всю жизнь врезалась в память Николая Федоровича Агапова. Здесь он похоронил своего лучшего друга и боевого товарища Леонида Михайловича Рудниченко. Здесь навсегда расстался с танком, на башне которого крупными буквами были выведены слова: «Амурский мститель», Рудниченко Л. М., Агапов Н. Ф.». И случилось это на рассвете, в начале марта 1945 года. Командир батальона капитан Кравченко пригласил к себе Леонида Рудниченко, Николая Агапова и Александра Витвицкого.

— Ты, Микола, — говорил капитан, — дуже добре водишь танк. А тут, разумієш, таке діло. Треба кулею пронестись по автостради, інакше загинеш, як муха в озваре. Підем всим батальоном — половину перебьють. Зацепись тільки за перший будинок, посій серед ворога паніку, а там и мы на допомогу подоспієм.

Сборы были недолги. Танкисты заправили горючим машину, уложили последний снаряд боекомплекта. Появился капитан Кравченко. По его тяжелому взгляду можно было прочесть: нелегко ему расставаться с танкистами-дальневосточниками. Он хорошо понимал, что не так-то просто пулю пролететь по автостраде: каждый метр противник держит на прицеле. Но что поделаешь: война. И как ни привык ты к фронтовому другу, приходится жать ему руку, говорить ободряющие напутственные слова. Кравченко на прощание крепко обнял тихоокеанцев, расцеловал:

— До зустрічи, гвардейци!

Рудниченко ответил шуткой:

— Ми ще з вами, товарищ капитан, у Микола на свадьбе гопака станцюем.

Заговорила тяжелая артиллерия. Где-то далеко один за другим плюхались снаряды, подымая в воздух столбы развороченной земли и проволочные заграждения. Над Сулько непрестанно висели ракеты-парашюты. Они освещали каждый клочок земли на подступах к селению. Агапов вывел машину на автостраду, включил четвертую скорость. Танк, словно ужаленный, с ревом понесся по ровной и гладкой дороге. «Только бы проскочить ложбину, — думал механик-водитель, а там уже не страшно».

Конечно, враг заметил смельчаков. Но то ли он не разгадал их замысла, то ли замешкался, только ураганный огонь по танку был открыт с опозданием. Сзади машины сразу разорвалось несколько фугасных мин.

— Коля, пронесло! — что есть силы закричал Рудниченко, когда они проскочили заминированный участок на дороге. Замедли здесь на какую-то долю ход машины — и от нее бы ничего не осталось.

Агапов вел танк на предельной скорости. Когда до Сулько осталось каких-то 300 метров, Рудниченко и Витвицкий открыли огонь. Сразу загорелось несколько домов. Николай остановился у крайнего. Дальше танкисты решили передвигаться «короткими скачками» от укрытия к укрытию.

Еще двести метров отвоевано у врага. И снова Агапов ставит машину в укрытие за дом. Фашисты, по-видимому, пришли в себя. Они двинули навстречу «Амурскому мстителю» два танка: «Т-IV» и «Пантеру».

Рудниченко с первого снаряда поджег «Пантеру». Еще несколько снарядов — и запылали оба танка «Т-IV». Друзья торжествовали победу. В эти минуты Витвицкий принял радиogramму от командира батальона. Кравченко сообщил, что им на помощь выходит танковая рота старшего лейтенанта Ямпольского. Уже был отчетливо слышен гул наших танков... Но враг все же успел нанести «Амурскому мстителю» смертельный удар. Машина загорелась. Убит Леонид Рудниченко. Потерял сознание Николай Агапов. Едва радист-пулеметчик Саша Витвицкий вытащил его из танка в укрытие, раздался оглушительный взрыв. Это был последний салют «Амурского мстителя».

ТАНК „Т-IV“ МЕНЯЕТ ОКРАСКУ

Командир батальона капитан Кравченко не изменил своей привычке. В который уж раз заходил он на этой неделе в дом, где еще совсем недавно располагался танковый экипаж «Амурский мститель». Капитан по-прежнему усаживался возле печурки, только теперь он задумчиво смотрел не на огонь, а в дальний угол. Там сиротливо лежал баян Леонида Рудниченко. Трудно сказать, о чем думал в эти минуты комбат. То ли он вынашивал план завтрашнего сражения с противником, то ли грустил по украинским песням, которые любил в свободные минуты заводить его земляк. Но по тому, как за последние дни осунулось, посерело его лицо, можно было без ошибки определить: узловатым рубцом легла на сердце комбата смерть Рудниченко.

Редко перебрасывались словами бойцы. Они словно боялись своим дыханием погасить бледный язычок пламени, который медленно полз по натянутому через всю землянку телефонному проводу. Гвардейцы, как и их командир, тяжело-переживали утрату боевого товарища. Им не верилось, что уже больше никогда не появится на пороге землянки ладно сбитый, коренастый моряк.

Не было с ними и молчаливого, рассудительного Николая Агапова. Вместе с Сашей Витвицким он все еще находился в полевом госпитале. Ожоги, полученные в последнем бою, приковали танкистов к лазаретным койкам. Сегодня туда уехал заместитель командира батальона. Теперь все ждали его возвращения. И когда старший лейтенант стремительно вошел в землянку, и не один, а вместе с Агаповым и Витвицким, радости гвардейцев не было предела. В землянке как-то сразу посветлело. Все ожили, бросились поочередно обнимать боевых друзей. Поднялся со своего места и Кравченко. Он подозрительно посмотрел на промасленные бинты, которые перехватили скуластое лицо Агапова, затем задержал свой взгляд на Витвицком. Комбат медленно, с расстановкой, простуженным голосом заговорил:

— Хороши орлы, да только, по всему видно, кухню вам придется стеречь.

Агапов недоумевал. Тут же у него в голове промелькнула мысль: «Неужто уже позвонили?»

— Как так стеречь кухню, товарищ капитан?

— А вот так. С госпиталя сбежали? Сбежали. Вот и чистите картошку на кухне, пока не поправитесь.

После минутного раздумья комбат добавил:

— Пока нет машин, друзья. Будут — посмотрим.

Неизвестно, сколько еще дней Агапову и Витвицкому пришлось бы находиться в хозяйственном взводе, если бы на фронте не изменилась обстановка. В марте 1945 года войска Первого Украинского фронта вышли к небольшой речушке Нейсе и Судетским горам. Отсюда — рукой подать до Берлина. Там все еще метался бесноватый фюрер. Он отдал приказ войскам перейти в наступление, отвлечь своими действиями наши части, которые громили гитлеровцев в Пруссии. Гвардейцы капитана Кравченко отбивали одну за другой танковые атаки противника.

Агапову и Витвицкому до боли было обидно, что не могут они принять непосредственного участия в боях. Когда обстановка накалилась до предела и, казалось, что вот-вот придется отойти назад, комбат получил приказ — перейти в решительное наступление, захватить на западном берегу Нейсе плацдарм. Батальон собрался на летучий митинг. На башню танка поднялся Кравченко. Каждое его слово звало бойцов на подвиг.

— Мы переходим в наступление. Предстоящий бой для нас особенный, потому что наша конечная цель — фашистское логово, Берлин. За кровь и слезы, за отцов и братьев, сестер и матерей, за погибших друзей, за горе народное — будем бить врага беспощадно! Агапов, сколько было у него силы, крикнул:

— За Рудниченко!

— За Рудниченко! — словно эхо, откликнулся на призыв Агапова батальон.

...Агапов и Витвицкий были первыми среди тех, кто с автоматами и связками гранат устроился на жалюзи боевых машин. Стоголосо заговорили наши батареи. В течение двух часов бушевал артиллерийский смерч.

Кравченко, взглянув на часы, отдал короткий приказ:

— Заводи моторы!

Танкисты устремились вперед штурмовыми группами. Когда была пройдена нейтральная зона, Агапов и Витвицкий вместе с другими десантниками соскочили с танка. Дальше бойцы передвигались по-пластунски. Каждый метр, отделявший их от населенного пункта, находился под сильнейшим вражеским огнем. Завязался гранатный бой. Наши артиллеристы усилили огонь по гарнизону противника. Этим воспользовались советские танкисты, пехотинцы и десантники. Раздалось дружное «ура». Танкисты капитана Кравченко вместе с пехотой ворвались в населенный пункт.

Агапов заметил, что фашистские молодчики поспешно бросили танк. Их догнала очередь из автомата. Николай коротко бросил на ходу:

— Есть у нас теперь машина, Саша!

Через несколько минут Агапов уже орудовал за рычагами немецкого танка «Т-IV». Витвицкий занял место командира машины.

— Полный вперед! — скомандовал Витвицкий. Николай принял рычаги на себя, и машина послушно повиновалась его воле. Он повел танк вслед отступающему противнику. Вскоре навстречу несущемуся танку выскочил эсэсовец в черной форме со зловещей эмблемой черепа на фуражке. Размахивая стиснутыми кулаками, он неистово кричал:

— Хальт, хальт, хальт!!!

Агапов притормозил машину перед самым носом эсэсовца. Когда тот, по-видимому, хотел приказать танковому экипажу повернуть снова на восток, Николай внезапно дал газ.

— Долго жил гад! — таков был приговор Агапова фашисту.

Но далеко отрываться от батальона было нельзя: свои же могли поджечь танк, не зная того, что в нем орудуют Агапов с Витвицким. Николай свернул в первый же переулок. Оказалось, что и там нельзя остановиться: возле орудия суетились солдаты в зеленых шинелях. Решительный рывок навстречу артиллеристам. Их настигла такая же участь, что и офицера СС.

На пути к Берлину умолкла навсегда еще одна вражеская батарея.

НА ЗЛАТУ ПРАГУ

После прорыва обороны противника на реке Нейсе войска Первого Украинского фронта перешли в решительное наступление на Берлин. В этих боях участвовал и танковый батальон капитана Кравченко. Николаю Агапову и его боевому другу Саше Витвицкому еще не раз приходилось ходить в танковые атаки.

Как-то три танковых экипажа из батальона Кравченко получили задание: захватить железнодорожный разъезд. В числе этих экипажей был и Николай Агапов. К счастью танкистов, на разъезде оказался человек, который ждал прихода Советской Армии. Немец помог танкистам укрыть машины в засаде, затем сообщил на станцию о том, что путь свободен. Вскоре показался вражеский бронепоезд. Танкисты расстреляли его в упор.

Под Дрезденом случилось несчастье. Здесь из фаустпатрона был подожжен танк Агапова. Николай вытащил из горящей машины смертельно раненного Витвицкого. Сашу немедленно отправили в госпиталь. Солдат умер, не дождавшись долгожданного Дня Победы.

Агапова тоже направили в полевой госпиталь. Но на этот раз Николай Федорович долго не задержался. Узнав о гибели капитана Кравченко, он стал настаивать, чтобы его немедленно выписали. Агапов умолял, уговаривал, грозился сбежать. Ну и пусть не зарубцевались ожоги на лице, пусть! Но ему надо во что бы то ни стало побывать в батальоне.

— Да поймите же вы, не могу я сидеть здесь ни одного часа, — убеждал Николай начальника госпиталя. — Погиб наш комбат, какой человек был, если бы вы знали! Наши дерутся за Берлин. Я должен быть там, с ними!

Но тот был неумолим. Тогда Агапов пошел на хитрость. Он попросился в наряд на кухню. Ему разрешили. Получив обмундирование, он тут же сбежал в родной батальон. Но драться за Берлин все же не пришлось Агапову. Его батальон получил приказ: идти на Прагу, на помощь восставшему городу.

И снова бои. Гитлеровцы пытались любой ценой задержать наступление Советской Армии. Прорвав оборону западнее Дрездена, советские танкисты в течение одной ночи продвинулись почти на сто километров. На рассвете 9 мая вступил в Прагу батальон Николая Агапова. Советские танкисты помогли братскому народу Чехословакии очистить свою столицу от фашистской нечисти.

ДОМОЙ

...Тихо шумит бор. На лесной поляне выстроились танкисты. На ветру колышутся боевые знамена, сверкая орденами и золотистой бахромой. Стоит в боевом строю и Николай Федорович Агапов. Солдат честно выполнил свой долг. И сейчас перед строем он вместе с другими бойцами отдает воинские почести перед памятью павших в борьбе с фашизмом.

...Поезд идет на Москву. Николай Агапов молча стоит у окна. Мимо проносятся бесконечно длинные поля с редкими, местами совсем вырубленными, лесами. По сторонам железнодорожного полотна следы недавних боев. Вот и деревня Сулько, а за ней холм. Здесь похоронен его боевой товарищ Леонид Рудниченко, с которым он вместе начал трудную фронтовую судьбу в экипаже «Амурский мститель». И пока жив Николай, всегда будет с ним незабвенная песня друга:

Три танкиста,
Три веселых друга —
Экипаж машины
боевой!

...Далеко позади осталась деревня Сулько. Может, Николай никогда больше не побывает здесь. Но он знает, кто бы ни жил в этой небольшой польской деревушке, скажет:

— Низкий поклон тебе, русский солдат.

В ГОСТЯХ У ГЕРОЯ

Из уст в уста передавалась на нашем участке фронта легенда о танковом экипаже «Амурский мститель». И, как водится в таких случаях, каждый новый рассказчик незаметно для себя вплетал в рассказ частицу своей фронтовой биографии.

Время шло, а легенда об амурцах жила и не умирала. В свое время и я ее слышал, затем рассказывал молодым бойцам, еще не опаленным жаром боя. И вот сейчас, спустя двадцать лет после войны, когда в памяти стерлись подробности этой удивительной истории, она снова дошла до меня. Я сначала не поверил В. М. Журавлеву, который по телефону настойчиво убеждал, что одного из героев танкового экипажа «Амурский мститель» забросила судьба в наш родной город.

Николая Федоровича Агапова я знал уже не первый год. Да разве только я! Его очень хорошо помнят многие на заводе имени Колющенко, где он работал слесарем несколько лет назад. Тогда его имя часто упоминалось в заводской газете, в докладах, на собраниях. О нем говорили как о запевале социалистического соревнования, лучшем рационализаторе завода.

Теперь Николай Федорович трудится на автоматно-механическом заводе. О нем говорят, как о мастере своего дела, чутком и отзывчивом коммунисте, активном общественнике.

— Николай Агапов — один из лучших слесарей нашего цеха, гроза хулиганов, — так охарактеризовал его начальник инструментального цеха Николай Петрович Андрусенков. — Когда он выходит с дружинниками на дежурство, люди могут спокойно отдыхать.

Но никто, ни на заводе имени Колющенко, ни на автоматном-механическом заводе, до последних дней даже не догадывался о том, что бывший гвардии старшина Агапов герой танкового экипажа «Амурский мститель». Молчал об этом и сам Николай Федорович. И не потому, что ему нечего было рассказать людям о себе. Нет! Просто не считает Николай Федорович, что об этом надо говорить. Ведь тысячи людей прошли через войну. И кто на войне не отличался подвигами!

Первым «открыл» Агапова его товарищ по работе Василий Михайлович Журавлев.

...Вечером, когда Николай Федорович вернулся с работы, мы пришли к нему в гости. Нас приветливо встретила хозяйка дома Валентина Васильевна. Ее большие, молодо искрящиеся глаза не скрывают радости.

— Сколько раз я говорила: «Коля, расскажи ты людям о себе, о своих фронтовых друзьях». А он, знай, свое твердит: «Таких, как я и мои товарищи, — миллионы».

Беседа наша затянулась. Николай Федорович охотно рассказывал о своих друзьях-однополчанах — Леониде Рудниченко, Иване Бинюкове, Александре Витвицком, о капитане Кравченко и скромно умалчивал о себе. Дочурка Тома устроилась на коленях отца. Она нет-нет да и задаст ему вопрос:

— Пап, а пап, а дядя Леня к нам приедет в гости?

По лицу Николая Федоровича пробегает тень. Он медлит с ответом, потом задумчиво произносит:

— Нет, доченька, не приедет. Он отдал свою жизнь за твое счастье, за весну на нашей земле.

...За весну на нашей земле! Вот уже двадцать лет шагает по нашей стране Весна Победы, за которую мы заплатили кровью наших доблестных солдат, потом и кровью всего народа. Никто и ничто не помешает тому, чтобы на нашей земле вечно была Весна Созидания, Весна Победы.

